

Ян Карский

Я свидетельствую

перед миром

История

подпольного государства

Jan Karski

Mon témoignage devant le monde

Histoire d'un État clandestin

Ян Карский
**Я свидетельствую
перед миром**

История подпольного государства

Перевод с французского
Натальи Мавлевич

издательство **астрель**

УДК 821.162.1-94
ББК 84(4Пол)-4
К26

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО
Научный редактор КСЕНИЯ СТАРОСЕЛЬСКАЯ
Издательство благодарит МАРИУША ЩЕЛЬСКОГО за помощь в подготовке книги
Издание осуществлено при техническом содействии Издательства АСТ

Карский, Ян

К26 Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства / Ян КАРСКИЙ ; пер. с франц. Н. МАВЛЕВИЧ. — Москва: Астрель : CORPUS, 2012. — 448 с.

ISBN 978-5-271-45446-2 (ООО “Издательство Астрель”)

Книга Яна Карского, легендарного курьера польского антигитлеровского Сопротивления, впервые вышла в 1944 г. и потрясла мир. Это уникальное свидетельство участника событий, происходивших в оккупированной Польше, разделенной между Германией и СССР по пакту Молотова — Риббентропа. Мобилизованный 24 августа 1939 г., молодой поручик Ян Козелевский (Карский — его подпольный псевдоним) сначала испытал ужас поражения от немцев, а затем оказался в советском плену. Чудом избежав Катыни, он вернулся в Варшаву и стал работать в подполье. Он первым принес союзникам и польскому правительству в Лондоне весть о массовом уничтожении евреев нацистами. Однако не все захотели ее услышать...

Награжденный в годы войны Крестом храбрых и дважды — орденом Воинской доблести, Карский не принял просоветский режим в Польше и остался жить в США. Лишь в 1995 г. он был признан героем на родине и принял из рук Леха Валенсы орден Белого орла. А в 2012 г. Ян Карский, почетный доктор нескольких университетов, получивший от Израиля звание Праведника мира, был посмертно награжден высшим знаком отличия, присуждаемом в США гражданским лицам, — Президентской медалью Свободы.

УДК 821.162.1-94
ББК 84(4Пол)-4

ISBN 978-5-271-45446-2 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Jan Karski Institute
- © Robert Laffont, S.A., Paris, 2010
- © Н. Мавлевич, перевод на русский язык, 2012
- © М. Радзивон, предисловие к русскому изданию, 2012
- © А. Миркес-Радзивон, П. Козеренко, перевод предисловия к русскому изданию, 2012
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”, 2012
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Марек Радзивон. Предисловие к русскому изданию . . .</i>	<i>7</i>
<i>Селин Жерве-Франсель. Предисловие к французскому изданию 2010 г.</i>	<i>16</i>
Глава I. Поражение	38
Глава II. В русском плену	51
Глава III. Обмен и побег	64
Глава IV. Разгромленная Польша	80
Глава V. Начало	89
Глава VI. Первые шаги	102
Глава VII. Боевое крещение	109
Глава VIII. Борецкий	116
Глава IX. Львов	127
Глава X. Миссия во Франции	139
Глава XI. Подпольное государство (1)	153
Глава XII. Провал	165
Глава XIII. пытки	174
Глава XIV. В больнице	195
Глава XV. Спасение	208
Глава XVI. “Агроном”	220

Глава XVII. Усадьба, выздоровление, пропаганда	229
Глава XVIII. Приговор	247
Глава XIX. Подпольное государство (2). Устройство	257
Глава XX. Краков. Квартира пани Л.	264
Глава XXI. Поездка в Люблин.	272
Глава XXII. Невидимая война	280
Глава XXIII. Подпольная пресса.	291
Глава XXIV. “Аппарат” конспиратора	302
Глава XXV. Женщины-связные.	307
Глава XXVI. Заочное венчание	313
Глава XXVII. Подпольная школа.	318
Глава XXVIII. Заседание подпольного парламента	330
Глава XXIX. Гетто	339
Глава XXX. Последний этап	355
Глава XXXI. Снова на Унтер-ден-Линден.	368
Глава XXXII. По дороге в Лондон.	373
Глава XXXIII. Я свидетельствую перед миром	391
Постскриптум.	402
<i>Примечания</i>	403

Предисловие к русскому изданию

“Я не претендую на то, что дал в своей книге исчерпывающее описание польского Сопротивления, его деятельности и структуры. <...> Я основывался на своем личном опыте, старался вспомнить все, что со мной происходило, рассказать о событиях, в которых я участвовал, и о людях, с которыми встречался”, — так писал Ян Карский в постскриптуме к своей “Истории подпольного государства”.

Ян Карский рассказывает историю личную, описывает только то, через что прошел сам, но в его драматической судьбе отражается история всего поколения, история Польши почти всего прошедшего столетия. Однако это вовсе не взвешенный, обобщенный и объективный синтез. Что же тогда представляют собой его воспоминания? Это рассказ молодого интеллигента, готовящегося к дипломатической карьере, затем, в сентябре 1939 года, — солдата разбитой польской армии, впоследствии офицера подпольной армии, тайного курьера, связывающего польское подполье с правительством в изгнании, наконец, многолетнего эмигранта, имя которого в Польше нельзя было произносить без малого пятьдесят лет.

В его свидетельстве есть важнейшие ключевые даты и события, такие как начало войны 1 сентября 1939 года и неожиданное нападение на Польшу 17 сентября 1939 года СССР — то

гдашнего союзника гитлеровской Германии. Есть наивные надежды осени 1939 года, связанные с союзниками — Францией и Великобританией: Польша ждет гарантированной международными соглашениями помощи, но та не приходит. Есть беспросветность оккупационных лет и чудовищная трагедия польских евреев. Находясь с важной миссией в Лондоне, Карский не станет свидетелем восстания в гетто в апреле 1943 года, когда пол-Варшавы сровняют с землей и погибнет шестьдесят тысяч человек. До этого в течение нескольких месяцев около четырехсот тысяч варшавских евреев будут вывезены в лагеря смерти.

Когда же год спустя Красная Армия подойдет к Варшаве и надолго задержится на восточном берегу Вислы, а в нескольких сотнях метров оттуда, в центре города, будет догорать Варшавское восстание (за восемь летних недель погибнет двести тысяч человек, а более полумиллиона окажется изгнано из города), — Ян Карский уже будет в Соединенных Штатах. И будет знать, что сообщения, которые он передал вершителям судеб тогдашнего мира, так и не были услышаны.

“Я делаю то же, что и тысячи других” — так польский курьер Карский отвечал в феврале 1943 года министру иностранных дел Великобритании Энтони Идену, выразившему восхищение его героизмом. Действительно, молодых людей, которые нелегально проникали через “зеленую границу” на Запад — сначала во Францию, затем в Великобританию — или оставались в Польше и включались в подпольную деятельность, были тысячи. Среди них элита — тщательно законспирированные правительственные курьеры.

Судьбу, почти зеркально отражающую судьбу Карского, мы можем увидеть, например, в биографии Ежи Солтысика. Двадцатидвухлетний юноша, подпоручик, служивший в зенитной артиллерии, в сентябре 1939 года участвовал в обороне Бреста. После вторжения Красной армии на территорию Польши так же, как и Карский, попал в плен и так же, как Карский, сумел

* “Зеленая граница” — так называли участки границы, где ее можно было нелегально пересечь. (Прим. перев.)

бежать из эшелона и добраться до оккупированного Советами Львова. Тогдашний Львов оказался коварной западней для десятков тысяч человек, которые после начала войны двинулись из Варшавы на восток, — бежавшие от немцев поляки попадали под оккупацию СССР. Солтысик, опасаясь быть арестованным НКВД, в декабре 1939 года нелегально пробрался в Венгрию и оттуда во Францию, где вступил в одну из польских вооруженных частей. После поражения Франции был переправлен в Великобританию, где под псевдонимом Ежи Лерский стал курьером польского правительства в изгнании и эмиссаром генерального штаба Армии Крайовой. К этой работе Лерского привлек именно Ян Карский. После окончания войны Лерский не мог вернуться в коммунистическую Польшу. Он поселился в Америке, преподавал историю в Университете Сан-Франциско.

Похожая участь выпала еще одному легендарному курьеру — Здиславу Езёранскому (подпольный псевдоним Ян Новак): оборона Польши в сентябре 1939 года, подполье, опасный путь через все европейские границы во Францию и Великобританию и возвращение в Польшу уже в роли тайного курьера. Езёранский в 1939 году так же, как и Карский, сражался в артиллерии, с 1941 года участвовал в Сопротивлении, а в 1943-м стал курьером Армии Крайовой и передавал секретные материалы в польское посольство в Стокгольме. Затем с тщательно изготовленными фальшивыми документами на имя Новака ему удалось попасть в Лондон, где в марте 1944 года он рассказал о ситуации в оккупированной Польше представителям польского правительства и высшим английским властям, в том числе Уинстону Черчиллю. 25 июля 1944 года, почти за неделю до начала Варшавского восстания, Новак-Езёранский в очередной раз пробрался в Варшаву, став последним курьером, проделавшим этот путь. По прошествии двух месяцев, накануне капитуляции Варшавского восстания, по приказу командующего Армией Крайовой генерала Тадеуша Бура-Коморовского, Новак в последний раз отправился в Лондон, везя с собой сотни документов и фотографий разрушенной Варшавы. После войны он в течение дол-

гих лет был легендарным директором польской редакции радио “Свободная Европа”.

Опыт поражения, войны, конспирации, геноцида, пережитый этими людьми в молодости, оставил в судьбе каждого из них след на всю жизнь. Перед нами “История подпольного государства”, незаурядные воспоминания Яна Карского. Ежи Лерский оставил мемуары под названием “Эмиссар Юр”. Ян Новак — автор знаменитого “Курьера из Варшавы”. Эти книги в Польше — евангелие для всех, кого интересует история военных лет. Или шире — судьбы целого военного поколения.

Сколько еще было подобных биографий, о которых мы никогда не узнаем? Сколько молодых солдат и подпольных курьеров так и не дождались конца войны, не оставили своего свидетельства?

Все трое в своей долгой жизни в эмиграции, в свободном мире — в США и Западной Европе — оставили себе прежние конспиративные фамилии. Ян Козелевский навсегда остался Яном Карским, Ежи Солтысик — Ежи Лерским, Ян Новак так и не вернулся к имени Здислав Езёранский. Несколько военных лет не только перепахали их мировоззрение, оставили в их душах неизгладимую печать пережитого, но и изменили их личности.

В Соединенных Штатах воспоминания Яна Карского были изданы очень быстро, еще во время войны, в 1944 году. Через четыре года книга появилась во Франции. С тех пор прошло почти семьдесят лет — целая эпоха. Несмотря на то что воспоминания разошлись в Америке и Франции огромными тиражами, Карскому казалось, что он остался на обочине. Предоставленный самому себе, лишенный возможности вернуться на родину, продолжить карьеру дипломата, он выбрал университетские стены. Ялта, Тегеран и Потсдам поставили окончательную точку в разделе Европы, а неудобный польский вопрос перестал играть сколько-нибудь важную роль в зарубежной политике мировых держав. Большой мир не интересовался судьбами малых народов. Геноцид евреев, трагедия варшав-

ского гетто, проклятые места — нацистские лагеря смерти в Аушвице-Биркенау, Майданеке, Трешлинке, Белжеце, Собиборе, Штуттхофе — проиграли политическому прагматизму первых мирных лет с их “холодной войной”, превратились в постыдное табу.

Однако в сегодняшней России мы будем читать эту книгу иначе, чем в Америке и Франции конца сороковых. Во-первых, мы уже имеем дело не со свидетельством, записанным по горячим следам, а с документом прошедшей эпохи. Во-вторых, и это представляется наиболее важным, “История подпольного государства” наконец дошла до мира, в котором десятилетиями торжествовала официальная пропагандистская историческая ложь, но в котором по сей день сохранилась совершенно другая, личная память войны.

Прежде всего, “перезагрузки” требуют понятия и факты, очевидные польскому и западноевропейскому читателю. Дело тут не только в заполнении белых пятен истории, но и в ином языке. Главный камень преткновения: Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года — именно тогда немецкая армия впервые столкнулась в Европе с жестким сопротивлением. Ночь с 21 на 22 июня 1941 года для Карского и его читателей — важный поворот в истории войны, длившейся к тому времени уже почти два года. Был нарушен пакт Молотова — Риббентропа, на основании которого в 1939–1940 годах Германия и СССР оккупировали Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, часть Финляндии и Румынии. Но эта дата не являлась, как гласила советская пропаганда, началом новой — другой — войны, хотя для СССР она с этого момента стала Великой Отечественной.

Не менее важный “водораздел” — день 17 сентября, когда на территорию Польши вступили войска Красной армии. Карский описывает свои первые впечатления от встреч с жителями оккупированного Советами Тернополя:

Они знали, что Польша раздавлена. Знали и понимали смысл происходящего лучше, чем вся варшавская интеллигенция, все

мои просвещенные друзья и осведомленные коллеги-офицеры: Польша перестала существовать.

Российскому читателю предстоит не только разобраться в событиях и датах, но и понять, насколько активно жило подпольное “государство”, как действовало конспиративное представительство эмигрантского лондонского правительства в Польше, как функционировала в подполье пестрая коалиция довоенных политических партий; понять значение Армии Крайовой и роль польского правительства в изгнании.

Карский вспоминает об этом многократно: целью польского подполья было не столько бряцанье оружием, сколько сохранение непрерывности деятельности государства, даже если это государство-невидимка с конспиративными структурами. Сохранение политической жизни даже в ситуации смертельной опасности, объединение различных политических партий ради всеобщего сопротивления оккупантам. Действительно, в Польше не появилось сил, готовых пойти на переговоры с немцами и создать коллаборационное правительство. У Польши не было ни своего Квислинга, ни режима Виши во главе с маршалом Петеном.

Воспоминания Яна Карского демонстрируют порой наивность тогдашних политических расчетов. Летом 1939 года Польша жила опасениями перед надвигающейся войной и вместе с тем — уверенностью, что польская армия сильна и окажет достойный отпор Гитлеру.

Позднее, уже после сентябрьского шока, осенью 1939 года царило всеобщее убеждение, что война будет кратковременной, а гарантированная международными соглашениями помощь французов и англичан вот-вот придет. Когда стало понятно, что спасения в ближайшее время ждать не приходится, поляки все еще верили, что послевоенная Польша будет продолжением Польши довоенной, все вернется на круги своя, сохранятся старая иерархия и порядки и в целом послевоенный мир будет тем же, что до войны.

Последствием подобных иллюзий и политических просчетов стало решение начать Варшавское восстание 1 августа 1944 года. “По поводу этого восстания поляки будут спорить еще сто лет” — так по прошествии многих лет Ян Карский вспоминал разговор с Юзефом Реттингером, одним из ближайших советников Владислава Сикорского. Действительно, дискуссия о цене этого великого и трагического подъема не прекращается в Польше до сих пор. Одни утверждают, что у подпольных властей не оставалось выбора, город чувствовал, что немцы вот-вот уйдут, и хаотичные бои происходили бы все равно. Другие считают, что только так жители Варшавы могли показать миру, что они не пассивны, что они сражаются за свою свободу, что им нужна помощь. Третьи говорят, что нет такого политического решения, которое оправдало бы смерть сотен тысяч невинных людей. Ярослав Ивашкевич, один из величайших польских писателей XX века, в своем дневнике 1944 года так описывал повстанцев, пробиравшихся на окраины и приносивших вести из центра города:

Ужасно — безрассудность командования, недостаток снабжения. Им велели выполнять совершенно другое задание, чем то, к которому они готовились в течение трех месяцев. <... > Мысль, что восстание не было подготовлено или разразилось не вовремя, не умещается у меня в голове.

Спустя многие годы восьмидесятичетырехлетний Ян Карский оценит решение о начале восстания:

Это была величайшая трагедия в истории Польши. Ее причиной стал ошибочный расчет <... > И общество, и Бур-Коморовский, и Миколайчик, глава правительства в изгнании, сменивший на этом посту погибшего Сикорского, считали, что, начав восстание, поляки докажут, что они — не враги России. Когда вспыхнуло восстание, Миколайчик отправился в Москву, будучи настроен весьма оптимистически. Он собирался

сказать Сталину: вот, мы ваши друзья, мы подняли на борьбу с врагом весь народ. Он не понимал, что для Сталина был не партнером, а лишь жалким попрошайкой, который кланится помощи. Приняв Миколайчика только после трех дней ожидания, Сталин сказал ему, что не знает, о чем речь. “Мне докладывали, — говорил Сталин, — что никакого восстания у вас нет”. А позже заявил, что восстание организовали безответственные авантюристы. <... > В сложившейся тогда международной ситуации не существовало правильного решения. С той политикой, которую вели Англия, Америка и Советский Союз, поражение было неизбежным. Поляки оказались в безвыходном положении.

Каждый год в день начала восстания в Варшаве воеет сирена в память о погибших и сотни тысяч людей собираются на старом варшавском кладбище Повонзки, где погребен прах повстанцев.

Ян Карский был первым свидетелем-очевидцем Холокоста — геноцида евреев в оккупированной Польше — и первым польским курьером, добравшимся до самых высоких кабинетов мира и рассказавшим о том, что видел. Он разговаривал с Энтони Иденом, министром иностранных дел Великобритании; 28 июня 1943 года был принят президентом США Франклином Рузвельтом. Неоднократно встречался и с польскими политиками за границей: президентом Польши в изгнании Владиславом Рачкевичем, премьер-министром генералом Владиславом Сикорским, вице-премьером и министром внутренних дел Станиславом Миколайчиком. Одно из самых пронзительных воспоминаний в книге Карского — разговор с эмигрантом из Польши, представителем Бунда в Лондоне Шмулем Зигельбоймом.

“История подпольного государства” была опубликована в Польше только в девяностые годы. Имя Яна Карского, легендарного деятеля подполья и многолетнего эмигранта, могло, без оглядки на цензуру, прозвучать у него на родине только после 1989 года. Двадцать с лишним прошедших с того времени лет в Польше продолжалась работа по возвращению памяти —

многие годы запрещенной, но отчасти и вытесняемой общественным сознанием. Памяти, в частности, о том, что до 1939 года в Польше проживало многомиллионное еврейское меньшинство. Нацисты обрекли на уничтожение шесть миллионов людей просто за то, что они были евреями.

Книга Яна Карского — один из главных в польской мемуаристике документов, необходимых для понимания этой истории. Вот только возможно ли ее вообще понять? Марек Эдельман, великий польский еврей, легендарный руководитель восстания в варшавском гетто, как-то обронил в разговоре с двумя пишущими о нем журналистами: “Нет, вы меня не раздражаете. Просто мы говорим на разных языках”.

*Марек Радзивон,
директор Польского культурного центра в Москве*

Предисловие к французскому изданию 2010 года

Мир вспомнил о Яне Карском в октябре 1981 года, когда в Вашингтоне открылась Международная конференция освободителей узников нацистских концлагерей, организованная Эли Визелем и Американским мемориальным советом по Холокосту. Откликнувшись на приглашение Эли Визеля, бывший эмиссар польского Сопротивления нарушил молчание, которое хранил с 1945 года. Он снова публично докладывал о преступном уничтожении евреев, свидетелем которого был летом 1942 года. Когда-то, в ноябре того же сорок второго, проделав опасный путь из оккупированной Варшавы в Лондон через занятую Гитлером Европу, он упорно пытался довести свое свидетельство до сведения союзников, выполняя чрезвычайное поручение представителей варшавского гетто.

Его доклад на конференции назывался “Как открылась правда о существовании плана “окончательного решения”. Карский задавался вопросами, что и когда узнали об этом власти западных стран, как они получили эту информацию и какова была их реакция. “Я был в числе тех, кто сыграл в этом некоторую роль”, — сказал он.

Тогда-то многие из присутствовавших на конференции и вспомнили о его вышедшей в 1944 году в США книге “История подпольного государства” (*The Story of a Secret State*). Пер-

вый тираж в триста шестьдесят тысяч экземпляров разошелся мгновенно, и вскоре последовало английское издание. Уже в 1945 году книгу перевели на шведский, в 1946-м — на норвежский, а в 1948-м — на французский язык. Французская версия получила двойное название: “Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства” (к первоначальному заголовку прибавили заголовок последней главы).

Выступление Яна Карского на конференции 1981 года стало сенсацией в США и Израиле.

Когда окончилась война, — сказал он, — я узнал, что ни правительствам, ни политическим лидерам, ни ученым, ни писателям ничего не было известно о судьбе евреев. Все они были удивлены. Убийство шести миллионов невинных людей прошло для них незамеченным... В тот день я стал евреем. Как семья моей жены, присутствующей здесь, в зале... Я еврей-христианин. Еврей-католик. И не считаю ересью свое убеждение в том, что человечество совершило второе грехопадение: одни — исполняя приказ, другие — не обращая внимания, одни — не желая знать, другие — оставаясь равнодушными, одни — из эгоизма или лицемерия, другие — по холодному расчету. Этот грех будет преследовать людей до конца света. Он преследует и меня. И это справедливо.

В июне 1982 года иерусалимский институт Яд Вашем присвоил Яну Карскому звание Праведника мира.

А в 1985-м французская публика увидела на экране его прекрасное, залитое слезами лицо — в документальном фильме Клода Ланцмана “Шоа” (съемка происходила в 1978 г.).

В 2004 году появилось исправленное и снабженное комментариями французское издание книги Карского, знакомящее новое поколение читателей с уникальной историей польского Сопrotивления. Книга привлекла широкое внимание, тираж был быстро раскуплен, а в 2009-м ее автор стал героем сразу двух непохожих друг на друга романов. Это еще больше подогрело интерес к “подлинному” Карскому.

Настоящее имя человека, известного всему миру как Ян Карский, — Ян Козелевский. Он родился 24 июня 1914 года в Лодзи и был восьмым и последним ребенком в семье ремесленника, владельца шорной мастерской. Никаких фамильных замков и гербов в его родословной нет, что он считал нужным повторять каждому, кто восхищался его “аристократическим” видом. Нет, он принадлежал к почтенному семейству из польского среднего класса и был воспитан как ревностный, но не фанатичный католик и патриот в духе Юзефа Пилсудского¹. На его личность наложила отпечаток атмосфера многонационального города, где прошло его детство.

Его мать, Валентина Козелевская, овдовевшая в 1920 году, жила в доме 71 по улице Килинского, большинство жителей которой составляли евреи. Так что среди друзей мальчика по двору и по лицу было немало детей из еврейских семей. Посетив Лодзь в мае 2000 года (за два месяца до смерти) в качестве почетного гражданина, Карский сказал: “Мысленно я всегда оставался здесь. Без тогдашней Лодзи не было бы сегодняшнего Карского”².

В Лодзи он стал активным участником католического миссионерского движения мирян “Легион Марии”, здесь же сложились его планы на будущее — он хотел стать дипломатом. В 1931 году он поступает в Львовский университет Яна Казимира. Ставший после смерти матери опекуном Яна старший брат Мариан поддерживает его. Учится он блестяще, после окончания курса (дипломатии и права) и обязательной годичной военной службы стажировается в Женеве и Лондоне. Во Львове Ян вступает в созданную сторонниками Пилсудского студенческую организацию “Легион молодых”. В беседе с одним журналистом об этих годах он пояснял: “Да, в юности я много и часто кричал: “Да здравствует Пилсудский!” Но еще больше работал”³.

Мечтая о дипломатической, то есть, по определению, гражданской, карьере, он, однако, проявляет свойственное ему во всем рвение и на военном поприще: заканчивает в 1936 году конноартиллерийское училище во Владимире-Волынском

первым в своем выпуске и получает в награду почетную шпагу от президента Польской Республики. Первым стоит его имя и в списке выпускников элитной дипломатической школы (1938 г.). Наконец, 1 февраля 1939 года, его принимают на службу в МИД.

Ровно через год подпоручик Ян Козелевский (в то время он носит подпольный псевдоним Ян Каницкий), прибыв из оккупированной Варшавы во Францию, кратко описывает для премьер-министра польского правительства в изгнании⁴ генерала Сикорского путь, который он прошел с сентября 1939 года, после разгрома Польши: “шесть недель провел в заключении у большевиков под Полтавой”, выдан Германии как простой солдат, уроженец Лодзи, “десять дней пробыл в немецком концлагере в Радоме”, бежал, стал работать в подполье. “С подпольными заданиями побывал во Львове, Лодзи, Вильно, Познани, Люблине и т. д. Я брат пана Конрада, то есть полковника Козелевского”. Вместе с Марианом — “паном Конрадом” — они уже в декабре 1939 года составили первый отчет о положении польского населения и общественном мнении в стране (который был передан правительству в изгнании неким дипломатом нейтральной страны) — отсюда глубокая осведомленность, которую Ян проявил в 1940 году в Париже и Анже, куда был послан курьером от польских подпольщиков. В Париже он записался добровольцем в формирующуюся польскую армию, но в том же документе приписал: “Если правительство сочтет нужным, я готов вернуться в Польшу и оставаться там. Мое желание — служить Польше в самых трудных условиях”. Слово “трудных” подчеркнуто Сикорским.

Между тем в Анже, где тогда находилось польское правительство, и генерал Сикорский, и его сподвижник, бдительный министр внутренних дел профессор Станислав Кот, приняли Карского довольно сдержанно, опасаясь, не относится ли он к ярым последователям маршала Пилсудского. Однако Кот, опытный педагог, очень скоро понял, что перед ним человек редкостных качеств — позднее в Лондоне он назовет его на-

стоящей жемчужиной, — высоко оценил его дисциплинированность, цепкую память, аналитический ум и решил сделать его доверенным эмиссаром правительства. “Вы покорили профессора Кота”, — удивленно сказал Сикорский молодому подпоручику. А тот, по приказанию Кота, выучил наизусть длинные и сложные инструкции, которые правительство передавало руководителям Сопротивления.

— Ты все понял?

— Да, пан профессор.

— Я должен бы привести тебя к присяге, взять слово хранить тайну. Но какой в этом смысл? Я тебе верю. Если бы ты захотел стать предателем, все равно бы стал им. Да хранит тебя Господь⁵.

Моральными и профессиональными качествами эмиссара неизменно восхищались все, с кем он работал. Когда в апреле 1940 года, вернувшись в Варшаву, он отчитался перед лидерами политических партий, они были буквально потрясены. Сам же он скромно называл себя “граммофонной пластинкой, которую записывают, пересылают и прослушивают”, и считал своим долгом скрупулезно выполнять то, что ему поручали.

Из страха заговорить под пыткой в гестапо он пытался покончить с собой — патриотическая жертва, значимость которой для ревностного католика трудно переоценить. Когда же он отправлялся с другим важнейшим заданием, причем двойным — от Делегатуры (представительства польского правительства в изгнании внутри страны) и от евреев гетто, — иерархи католической церкви оккупированной Польши дали позволение вручить ему медальон с частицей Святых Даров. Одновременно подпольщики снабдили курьера дозой яда. Понимая несовместимость этих вещей, он перед отъездом отказался от яда. Карский совершенно искренне считал себя новым миссионером, это подтверждают его слова, сказанные сорок лет спустя, в 1981 году: “Бог выбрал меня, чтобы я увидел то, что увидел, и засвидетельствовал это”.

В Польше Карский работал под началом генерала Ровецкого, верховного главнокомандующего Союза вооруженной борьбы, внутренних вооруженных сил Сопротивления, переименованных в феврале 1942 года в АК — Армию Крайову (то есть Отечественную армию)⁶. В 1940–1942 годах поручик Ян Козелевский носил псевдоним Витольд. Под этим именем его знали в подполье. Витольд Кухарский был арестован в Словакии, передан в гестапо, подвергнут пыткам и бежал. Именно это имя стояло в указе, подписанном генералом Ровецким в феврале 1941 года, о награждении эмиссара орденом Военской доблести (*Virtuti Militari*). Сам герой узнал об этом только в девяностые годы от историка Анджея Кунерта, нашедшего указ в секретных архивах. Не знал о нем и генерал Сикорский, когда в январе 1943 года вручил орден *Virtuti Militari* Яну Карскому в Лондоне.

Псевдоним Ян Карский присвоило Витольду лондонское правительство, когда летом 1942 года он готовился, по поручении главы Делегатуры Сирила Ратайского и лидеров политических партий, к крайне рискованной поездке в Лондон в качестве посланца внутреннего гражданского Сопротивления.

В 1987 году Ян Карский пересказал своему биографу Станиславу М. Янковскому разговор, который состоялся у него с Ратайским незадолго до отъезда в Лондон:

- Я хочу попросить вас встретиться перед отъездом с представителями еврейских организаций. Вы сможете это сделать?
- Разумеется, пан делегат.
- Вы повезете в Лондон поручения от политических партий. Они к этим партиям не принадлежат, но они тоже польские граждане. И надо выслушать их, если они хотят что-то передать.

О том, что последовало дальше, рассказано в незабываемой главе “Тетто”, которая начинается со встречи курьера с одним из руководителей еврейской социалистической партии Бунд Леоном

Фейнером и одним из лидеров сионистов. Это была официальная часть его “еврейской миссии”: запомнить и передать по назначению вопросы еврейской общины правительству и ее указы двум представителям еврейского меньшинства в лондонском Национальном совете: адвокату Игнатию Шварцбарту и рабочему-бундовцу Шмулю Зигельбойму. Карский знал, что еврейская секция бюро информации АК уже собрала и микрофильмировала все документы, которые подтверждали преступления, творящиеся в варшавском гетто, и акции по уничтожению евреев, начавшиеся в Трешлинке, Белжеце, Собиборе. В Лондоне и Нью-Йорке считали информацию об этих зверствах преувеличенной. Поэтому Ян Карский согласился дополнить официальную часть добровольной ролью очевидца, понимая, что это может стоить ему жизни. Зато он получит право говорить о том, что видел собственными глазами, и просить ускорить помощь.

Драгоценные микрофильмы, которые он привез в Париж запаянными в обычный ключ, попали в Лондон 17 ноября 1942 года. А 28 ноября, когда в Лондон прибыл сам курьер, польские власти заверили его: первый двухстраничный доклад, обобщающий материалы об уничтожении евреев, передан правительствам союзников и еврейским организациям в Лондоне. Этот первый “доклад Карского” послужил подтверждением информации, которую в августе 1942 года обнародовал в Швейцарии член Всемирного еврейского конгресса Герхарт Ригнер и которую подвергли сомнению в Соединенных Штатах.

2 декабря Карский передал устные воззвания из гетто обоим еврейским представителям в Национальном совете. Он также выступил перед польским Советом министров и лично беседовал с министром иностранных дел Эдвардом Рачинским, которому было поручено передать привезенную им информацию британским властям и распространить ее как можно шире. 17 декабря Рачинский выступил по радио *BBC*, прямо ссылаясь на Карского.

В феврале 1943 года Карский дважды встречался и с британским министром иностранных дел Энтони Иденом. Однако, к разочарованию поляков, до Уинстона Черчилля Иден его

не допустил. Решение отправить эмиссара Карского в США, принятое в мае сорок третьего, связано с ухудшением польско-советских отношений.

Чтобы добиться личной аудиенции у Рузвельта, были пушены в ход все средства. Польский посол Ян Чехановский в начале июля разослал приглашения множеству людей из американской администрации, в том числе члену Верховного суда Феликсу Франкфуртеру, привлекая их внимание к посланцу польского Сопротивления и одновременно — очевидцу еврейской трагедии. Усилия посла увенчались успехом — 28 июля ему и Карскому был назначен прием у Рузвельта. Карский не раз рассказывал об этой беседе и всегда подчеркивал, что президента больше всего интересовало положение внутри Польши, вопрос о границах и о необходимости компромисса с Советским Союзом. Когда Карский спросил Рузвельта, что он хотел бы передать полякам, тот ответил: “Скажите им, что мы победим! <... > А еще скажите своему народу, что в этом доме у него есть друг”. Ян Карский всегда вспоминал, какое потрясающее впечатление произвел на него Рузвельт, олицетворявший всю мощь Америки. Однако в машине на обратном пути в посольство Чехановский резонно заметил: “В общем-то, президент почти ничего не сказал”.

Карский вернулся из США в Лондон 19 сентября 1943 года, твердо надеясь, что его опять пошлют в Польшу. Но премьер-министр Станислав Миколайчик (который сменил на этом посту погибшего генерала Сикорского) сказал, что об этом и речи не может быть, поскольку, несмотря на все предосторожности, курьер “засветился” — в перехваченных нацистских радиogramмах говорилось о “некоем действующем в Америке Яне Карском, большевистском агенте на содержании у американского еврейства”. В действующую армию его тоже не пустили, а приказали оставаться в Лондоне в распоряжении премьер-министра, чтобы, используя свою популярность и безупречную репутацию, противостоять развернутой в просоветской прессе кампании, объявлявшей правительство в изгнании “реакционным”, а Армию Крайову — “незаконной”. Кроме того, Энтони Иден вы-

нуждал Миколайчика уступить территориальным требованиям Сталина в обмен на земли в Восточной Пруссии и Силезии. И вот Ян Карский выступает с новой серией докладов о польском Сопротивлении, пополняя собственные данные сообщениями польского подпольного радио “Свит”. С осени сорок третьего он стал постоянно употреблять термин “подпольное государство” — *the Polish Underground State*, а первая его статья под таким заглавием появилась 15 декабря 1943 года в *Polish Fortnightly Review*, газете, издаваемой польским Министерством информации и пропаганды.

Между тем на Тегеранской конференции (28 ноября — 2 декабря 1943) Черчилль и Рузвельт согласились со всеми требованиями Сталина относительно Польши и других стран Центральной и Восточной Европы. Энтони Иден упомянул об этих решениях, выступая перед палатой общин 15 декабря, Рузвельт — перед американским конгрессом 11 января, а Миколайчик все ждал, когда Вашингтон назначит ему дату приема у президента. Он собирался взять с собой Карского, который при поддержке своего старого знакомого, министра информации Станислава Кота, готовил для американской общественности целую программу по защите Польши. Предполагалось также снять в Америке фильм о польском подполье — эту идею Карский подал еще летом 1943 года, и теперь она была одобрена. Он уже написал сценарий и подготовил документальную базу.

20 февраля 1944 года, не дождавшись приглашения для премьеры, Карского отправили в Вашингтон одного, поручив его Чехановскому, которому также было поручено объяснить американцам, что Карский не может вернуться в Польшу до конца войны.

На этот раз главной задачей Карского будет с Вашей помощью довести до конца план создания фильма о польском Сопротивлении, — писал послу новый министр иностранных дел Т. Ромер. — Правительство считает это делом первостепенной важности.

Однако никакой правительственной субсидии Карский не получил и должен был продвигать идею фильма как свою частную инициативу. Кроме того, ему предписывалось выступать с лекциями и писать статьи в польскую, европейскую и американскую прессу.

В Вашингтоне Ян Карский сразу понял: надеяться на то, что фильм будет снят, не стоит, поскольку “Голливуд не расположен затрагивать польскую тематику”. Но американцы не забыли отважного поляка, его имя было на слуху, лекции имели успех. Поэтому Чехановский посоветовал ему вместо фильма написать книгу и поручил своему пресс-атташе найти подходящего издателя. Им стал Эмери Ривз. 23 марта 1944 года Карский телеграфирует Станиславу Коту:

Издательство Эмери Ривза, которое продвигало на американский рынок книги Черчилля, Идена, Даффа Купера, хочет выпустить книгу о польском движении Сопротивления, написанную на основе моего опыта. Там полагают, что такая книга произведет сенсацию. Я уже готовлю материалы — предположительно на несколько сотен страниц. Если это состоится, книга сыграет большую пропагандистскую роль. Даете ли Вы с премьер-министром мне разрешение взяться за нее?

Разрешение было немедленно дано. Польское посольство сняло номер-офис в гостинице на Манхэттене, наняло секретаршу-билингва, и Карский, не откладывая, принялся за работу на условиях, поставленных издателем: быстрота, никакой пропаганды, ничего антисоветского, никакой полемики. “Что нам за дело до ваших споров со Сталиным!” Помимо этого, издательство оставило за собой право вмешиваться в текст, чтобы сделать его “более привлекательным”, и львиную долю прибыли — пятьдесят процентов потиражного авторского вознаграждения.

15 августа 1945 года Карский отчитывается:

Написание польского текста объемом около тысячи страниц заняло два месяца, перевод и сокращение до четырехсот книжных страниц — еще два; книга была завершена к концу июля 1944 года.

А в частном письме Коту признается, что работал днем и ночью, прерываясь только на еду и сон.

Результат был великолепный. Карский с гордостью сообщает в Лондон, что Ривз и его редактор Уильям Постер, “ознакомившись с рукописью, пришли к выводу, что книга отличается свежестью, хорошей композицией, высоким литературным уровнем и может быть издана с незначительными поправками”.

Однако очень скоро Карский убедился, что поправки оказались не столь незначительными, — начались довольно ожесточенные споры. “Американцы хотят выпатить мою личную роль и сделать акцент на приключенческой стороне сюжета в ущерб идейно-политической”, — писал он. Ривз усомнился в правдивости некоторых сцен, отличающихся особым драматизмом, и это страшно оскорбило автора. Для разрешения конфликта понадобилось письмо за подписью премьер-министра Миколайчика, удостоверяющее от имени Польской республики подлинность всех фактов, изложенных эмиссаром Карским. Наконец, встал вопрос о “восточном соседе” и участии коммунистов в Сопротивлении. Тут компромисса достичь не удалось. Ривз безжалостно выкинул целую главу, где говорилось об этом.

Карский постоянно советовался с Котом, детально рассказывал ему, как построена книга, что он хотел выразить и какие возникли трудности. “Прошу Вас высказать свои замечания, пожелания, исправления. Мне не хотелось бы допустить ни одной оплошности”, — писал он министру. Судя по всему, первоначальный замысел сценария оказал влияние на характер и строение глав, нередко перекликающихся друг с другом.

Книга описывает все пережитое автором с 24 августа 1939-го до 28 июля 1943-го. Последняя глава кончается аудиенцией в Бе-

лом доме, которой увенчалась миссия курьера Витольда, и его печальными раздумьями у подножия памятника Костюшко на Лафайет-сквер.

“Автор рассказал только то, что сам видел, слышал и испытал”, — настаивал Карский.

Главным достоинством своего свидетельства он считал его честность. Так, в 1982 году, в ответ на предложение главного редактора польского эмигрантского журнала Ежи Гедройца издать его книгу на польском языке он написал:

Наконец-то все увидят, как честно и точно я рассказывал людям в 1943–1945 годах о польском подполье. Все действующие лица и события таковы, какими они были на самом деле. Конечно, я надеялся, что после войны мы вернемся на родину, моя книга выйдет на польском и ее прочтут и оценят руководители и участники Сопrotивления.

Когда же под конец жизни Карского, в 1999 году, первое польское издание все же появилось, он предварил его такими словами:

Когда я писал эту книгу в 1944 году, то честно и достоверно пересказал все, что помнил. Но в обстановке того времени не обо всем позволялось говорить.

Конспирация требовала не называть подлинные имена, а подчас и псевдонимы многих выведенных в книге персонажей, изменять названия, не выдавать еще действующие явки и места пересечения границ. В июне 1944 года Карский пишет Коту, что все-таки упоминает много имен:

Это необходимо, чтобы книга не казалась выдумкой. Но имен подпольщиков там, разумеется, нет. Все, что касается Сопrotивления — имена, названия, а часто и обстоятельства, — изменены.

А в 1982 году в уже упоминавшемся письме Гедройцу уточняет:

Я придумал свою систему шифровки. Например, первая буква вымышленной фамилии всегда соответствует настоящей.

По желанию автора польское издание 1999 года дает множество комментариев, объясняющих, кто и что имеется в виду. Уважая эту его волю, мы также снабдили текст обширным аппаратом.

Ян Карский — или поручик Витольд — стремился прежде всего рассказать союзникам Польши, а потом и всему миру об уникальном феномене польского подпольного государства, подробно и настойчиво описывая его полноценные институты, демократические принципы и подчеркивая, что польский народ признавал только эту власть и не шел на сотрудничество с оккупантами.

Особое место в книге занимает “рассказ о трагедии еврейского народа, о том, как он просил о помощи и не получил ее”.

Чем большее время и расстояние отделяет меня от родины и от линии фронта, тем более ужасающей представляется трагедия польских евреев.

Возможно, поэтому он отчасти уступил настойчивой просьбе издателей “написать о борьбе евреев гетто, хотя эти факты не связаны с композицией книги”.

Другими важными темами своей книги автор называет реакцию английских и американских государственных деятелей на его сообщения о зверствах оккупантов.

Тем читателям-соотечественникам, которым в 1999 году книга могла показаться слишком антинемецкой, Карский напомнил, что она писалась в 1944 году, когда в нем кипела ненависть к врагу.

Я был переполнен ненавистью к немцам, ненавистью к большевикам. Во мне говорило больное сознание.

Карскому необходимо было получить от своего правительства внятное одобрение того, что отброшенная издателем глава о “восточном соседе” и “действиях партизан и Польской рабочей партии” заменена “постскриптумом”.

Напомним, что происходило в тот момент в Польше, о чем Карский и польский посол знали и что с оптимизмом освещала американская пресса. 22–25 июля 1944 года Армия Крайова вместе с Красной армией освободила Люблин и гражданская администрация местного отделения Делегатуры вышла из подполья. 27 июля все ее работники были интернированы, а затем арестованы НКВД. В Люблине обосновался привезенный из Москвы Польский комитет национального освобождения, который объявил себя законным правительством и передал Красной армии (точнее, НКВД) право распоряжаться на всей освобожденной территории Польши. Концлагерь Майданек принимал новых узников: разоруженных солдат АК и схваченных гражданских должностных лиц подпольного государства. 1 августа вспыхнуло Варшавское восстание, продлившееся до 2 октября.

Но Ривз и представители издательства “Хоутон” ссылались на то, что Миколайчик в то время договаривался со Сталиным и его люблинскими ставленниками о компромиссе. Карский вспоминает:

Мне предложили следующий выход: я напишу постскрипту, в котором, не оценивая по существу деятельность коммунистов в Польше, упомяну, что они тоже боролись с оккупантами, но я не являюсь членом их партии и никак с ними не связан, поэтому ничего не могу об этом рассказать. Я ответил, что, поскольку речь идет о политическом вопросе, я должен согласовать его с нашим послом. Посол просмотрел предварительный текст, уточнил некоторые стилистические и политические оттенки, издатели были удовлетворены, таким образом на последней странице книги появился “Постскриптум” <... > Он отредактирован так удачно, что никак не противоречит офи-

циальной доктрине движения Сопротивления и оставляет мне возможность, если понадобится, правдиво осветить этот вопрос, основываясь на материалах, которые я привез из Польши.

В рассказе о лагере в Избице Любельской, который Карский принял за Белжецкий лагерь, в первоначальном тексте книги было сказано, что его провожатым был эстонский охранник и сам он переоделся в форму эстонской охраны. В принципе такое было возможно, но в данном случае лагерь охраняли украинцы. Карский изменил их национальность по указанию польского правительства в Лондоне, которое еще надеялось сохранить Львов в составе Польши (как обещал Энтони Иден) и не хотело портить отношения с влиятельной украинской эмиграцией. В польском издании 1999 года Карский восстановил истину, и мы в настоящем издании последовали его примеру.

“История подпольного государства” в обложке, украшенной белым польским орлом, появилась на прилавках книжных магазинов 28 ноября 1944 года, но еще в сентябре отрывки из книги были опубликованы в журналах: рассказ о еврейской трагедии — в *Colliers* и *The American Mercury*, а в женском *Harper's Bazaar* — о женщинах-подпольщицах. Насчитывающий шестьсот тысяч членов клуб *Book of the Month Club* объявил “Историю подпольного государства” лучшей книгой месяца (декабря 1944). Общий тираж американского издания достиг, как уже говорилось, трехсот шестидесяти тысяч экземпляров. Карского разрывали на части — в течение следующих нескольких месяцев он исколесил Соединенные Штаты, выступая с лекциями по приглашениям разных клубов и ассоциаций. 20 декабря посол Чехановский передал президенту Рузвельту экземпляр книги с дарственной надписью автора, снабдив его письмом, где напоминал президенту “об аудиенции, которой он удостоил 28 июля поручика Яна Карского”. Стерлинг Норт в журнале *New York Post* писал:

Московских поляков в Люблине эта книга приведет в ярость. Ян Карский отнимает лавры у коммунистов.

В марте 1945 года довольно широко распространявшийся в США журнал *Soviet Russia Today* опубликовал за подписью некоей Евы Грот статью под названием *Not the Whole Story* (“Не вся история”), полную едких нападок на польское правительство в Лондоне, на польское Сопротивление и на самого Карского. Автор статьи называла его аристократом, ничего не знающим о трудовом народе, провокатором, который смеет отрицать военные заслуги союзников и называть Ялтинскую конференцию “новым Мюнхенским сговором” (Карскому действительно случилось как-то раз, не сдержавшись, публично произнести такие слова), да еще и “антисемитом, связанным с польскими националистами”. По мнению самого Карского, эта публикация отрицательно повлияла на успех книги. А вскоре, на фоне эйфории от общей победы и всеобщего восхищения доблестными русскими, книга стала попросту неуместной. Вышел только французский перевод 1948 года, а готовившиеся испанская, португальская, китайская и ивритская версии так и не были изданы.

Видя, как развиваются события в 1944–1945 годах, Карский больше не строил иллюзий относительно того, что появление его книги как-то поможет Польше и ее законному правительству:

Еще раз подчеркиваю: мой теперешний успех не самоценен. Он является результатом десятков тысяч долларов, вложенных *Book of the Month Club* и *Houghton Mifflin Co* в рекламу книги и моей особы.

Он чувствовал себя истощенным, здоровье его сильно пошатнулось. В письмах Станиславу Коту он писал, что в течение всех четырех последних месяцев (с апреля по июль 1944 г.), пока писалась и готовилась в печать книга, он не прекращал пропагандистской деятельности: шесть радиопередач, двадцать лекций, десятидневное турне в Детройт, включающее шесть выступлений.

Должен предупредить: работать становится все труднее; и тема лекций, и то, как я ее трактую и отвечаю на вопросы, все меньше нравится публике и все больше ее расхолаживает. Это, несомненно, связано с общей политической обстановкой. Иногда я сталкиваюсь с враждебным отношением ко мне и к предмету моих лекций — думаю, оно будет усиливаться.

Он просил, чтобы его заменили кем-нибудь другим — ведь бросать пропагандистскую деятельность было нельзя, — и предлагал своего старого друга Ежи Лерского, который недавно прибыл в Лондон из Польши. Но он не знал, что Лерский постоянно критиковал премьер-министра Миколайчика за готовность пойти на “территориальный компромисс” и уступить требованиям Советов, поддерживаемым союзниками, тогда как сам Карский считал себя обязанным поддерживать линию правительства — таковы были его принципы: неукоснительная лояльность, верность государственным интересам. За это кое-кто даже упрекал его в просоветских настроениях, что ему было особенно больно слышать. Узнав об этом, он, по собственному признанию, не спал несколько ночей. Карский не одобрял позицию “непримиримых” потому, что прекрасно понимал необходимость физически сохранить польский народ. Новак-Езёранский, эмиссар Армии Крайовой и лондонского правительства, автор книги “Курьер из Варшавы”, так передает слова Карского, сказанные им в январе 1944 года, незадолго до отъезда из Лондона в США:

В сущности, Польша проиграла войну уже в Тегеране. И наши политики, вместо того чтобы слепо упорствовать в праведных желаниях, лучше бы подумали все вместе, как проиграть войну. <... > Как уменьшить количество потерь и жертв, как вооружить население и подготовить к тому, что его ждет.

5 июля 1945 года Соединенные Штаты и Великобритания перестали признавать легитимность польского правительства в из-

гнания и завязали официальные отношения с посаженным Сталиным Правительством национального единства (Франция сделала то же самое 29 июня). В первое время этот удар был несколько смягчен для Карского последним поручением, на этот раз полученным от американцев: он на четыре месяца вернулся в Европу, чтобы убедить правительства разных стран в изгнании передать свои архивы и документы о Второй мировой войне в Институт Гувера, созданный при Стэнфордском университете в Калифорнии. Побывав в Лондоне, Париже и Риме, он получил согласие не только поляков, но также латышей, эстонцев и литовцев.

Вернувшись в США, он понял, что о нем все забыли, — он был теперь никому не известным европейским эмигрантом, таким же, как множество других. “Я ненавидел тогда весь мир и хотел отстраниться от него”. Забыть, забыть военный ад, никогда и ни с кем больше о нем не говорить, никому больше не рассказывать о трагедии евреев, свидетелем которой он был. Для простоты оформления документов в иммиграционных службах он не стал восстанавливать имя Козелевского и навсегда остался Карским.

Он попытался зажить нормальной жизнью, завести семью, но брак его распался через два года. Ему удалось добиться разрешения на выезд из Польши для любимого брата Мариана и его жены Ядвиги. Сразу обосноваться в Америке они не могли, и Карский на последние остатки полученных за книгу денег купил им маленькую ферму в Канаде, недалеко от Монреаля.

Возобновить дипломатическую карьеру оказалось невозможно: в Госдепартаменте он как уроженец страны, подконтрольной коммунистам, мог рассчитывать только на самую незначительную должность, а чтобы попасть на службу в ООН, ему пришлось бы перейти на сторону варшавского режима — такой шаг он для себя исключал.

Оставался один путь — получение ученой степени и преподавание в университете. Ректор дипломатического отделения Джорджтаунского католического университета Эдмунд Уолш

принял Карского с распростертыми объятиями и выхлопотал ему стипендию для обучения в докторантуре. В 1952 году степень доктора политологии была получена, и Карский стал преподавать. Отныне он связал свою судьбу с Джорджтаунским университетом, где проработал больше тридцати лет.

В 1954 году профессор Ян Карский получил американское гражданство. Зная его репутацию антикоммуниста, американская администрация не раз привлекала его как эксперта и поручала ему различные задания. В течение двадцати лет он готовил по собственной программе специалистов для Пентагона и часто ездил по заданию Госдепартамента читать лекции в Азию, Африку и на Ближний Восток. Никто из его коллег и студентов в Джорджтауне, кроме ректора Уолша, с которым он познакомился еще в 1943 году, не знал о его прошлом, но все ценили его как благородного человека и прекрасного лектора. У него учился выпускник 1968 года Билл Клинтон.

В 1954 году в вашингтонской синагоге, куда Карский пришел на концерт современной танцевальной труппы, он встретил Полю Ниренскую, урожденную Ниренштайн, варшавянку, свою старинную знакомую — они общались в Лондоне в 1938 году. В июле 1965-го они поженились. Поля, у которой все родственники, кроме успевших уехать в Палестину родителей, погибли, перешла в католичество. Супруги условились никогда не говорить о прошлом.

Помимо преподавания в университете, профессор Карский в течение многих лет писал книгу, посвященную политике великих держав в отношении Польши. Монография в семьсот страниц *The Great Powers and Poland. 1919–1945. From Versailles to Yalta* (“Великие державы и Польша. 1919–1945. От Версаля до Ялты”) вышла в 1985 году. “Печальная книга”, — скажет ее автор. Проанализировав огромное количество архивных данных, он приходит к выводу, что в циничной игре с Польшей “морально более виновен Черчилль, а физически — Рузвельт”.

В 1987 году Карский скажет своему биографу Станиславу М. Янковскому:

За тридцать с лишним лет я не написал ни одной статьи о своем военном опыте. Но прошлое настигло меня! В 1977 году ко мне пришел режиссер Клод Ланцман, потом Эли Визель, израильский юрист Гидеон Хауснер, и началось: Яд Вашем, фильмы, статьи, газеты...

В 1978–1985 годах, когда бывший эмиссар польского подполья Витольд снова заговорил, уточняя, подчеркивая нравственное и историческое значение той необычайной миссии, которую он выполнял в ноябре сорок второго по поручению своих соотечественников-евреев, окончательно складываются — на этот раз в глазах всего мира — его образ свидетеля и его не для всех удобная позиция. Человеком, который попытался остановить Холокост, но не был услышан, назовет его польский историк Бронислав Геремек, а Эли Визель сочтет, что он сыграл существенную роль в том, что у союзников проснулась совесть и это облегчило судьбу евреев Будапешта.

Клод Ланцман, снимая свой фильм в 1977–1978 годах, разбудил память свидетелей Холокоста. Готовый фильм “Шоа” вышел на экраны весной 1985-го, и сразу после этого главный редактор польского эмигрантского журнала *Kultura* Ежи Гедройц попросил Карского написать о нем статью. Статья появилась в ноябрьском (1985 г.) номере, затем в ноябре 1986-го была перепечатана парижским *Esprit*, а в июле 1986-го — американским *Together*. Карский искренне восхищается фильмом, но жалеет, что в сорока минутах, которые отобраны из его восьмичасового рассказа, смещен акцент с того главного, про что мог сказать только он, — про глухоту западных стран к призыву о помощи, переданному через него евреями варшавского гетто.

Карского увлекла идея сделать фильм, дополняющий “Шоа” и показывающий “нынешним и будущим поколениям”, что в этой катастрофе честь человечества спасали тысячи про-

стых людей, которые помогли выжить какой-то части евреев. “На глазах всего мира” — так называлось сообщение, обнаруженное Карским в январе 1993 года по случаю грядущего пятидесятилетия восстания варшавского гетто и упоминавшее о “докладе Карского”, который польское правительство передало союзникам в ноябре 1942 года и который был найден историками в британских архивах. По мнению Карского, которое он твердо отстаивал, “польское правительство в Лондоне сделало все, что могло, чтобы помочь евреям. Но у него в то время не хватало сил не только самому спасти их, но и защитить независимость своей страны”.

Фильм “Шоа” вынудил польское правительство генерала Ярузельского частично снять запрет с имени Карского, но не с его книги — она оставалась запрещенной. И только в апреле 1987-го, через сорок с лишним лет после окончания Второй мировой войны, поляки впервые увидели фотографию героя Сопротивления Яна Карского в двух газетах. В ноябре 1987 года публицист Станислав Янковский впервые встретился в США с Карским — это стало началом его работы над большой книгой. В декабре того же года Карский предоставил Янковскому все свои личные архивы и вел с ним долгие беседы у себя дома в Вашингтоне. И наконец, в 1991-м, в связи с выходом в свет написанной Янковским биографии “Эмиссар Витольд”, Карский приехал на родину, и независимая Польша восторженно приняла его. В 1995-м он снова посетил Польшу по случаю издания польского перевода с английского книги Томаса Э. Вуда и Станислава М. Янковского “Как один человек пытался остановить Холокост”.

В девяностые годы несколько университетов мира присвоили Карскому звание доктора *honoris causa*. В 1994-м он стал почетным гражданином Израиля. В 1995-м первый польский президент Лех Валенса наградил его орденом Белого орла. В 1998 году Израиль, отмечающий пятидесятилетие еврейского государства, выдвинул Карского на соискание Нобелевской премии мира. Двое историков из поколения “Солидарности” (Ан-

джей Рознер и Анджей Кунерт) убедили Карского дать согласие на публикацию “Истории подпольного государства” по-польски, и в декабре 1999 года, через пятьдесят пять лет после написания, книга вышла в свет на родине автора. Бывший боец польского подпольного государства снабдил это издание посвящением:

Солдатам и участникам Сопротивления, боровшимся за свободу и независимость Польши, тем, кто отдал за это свою жизнь, тем, кто выжил, и всем тем, с кем свела меня судьба на дорогах войны.

Селин Жерве-Франсель

Глава I

Поражение

23 августа 1939 года я был приглашен на веселую вечеринку к сыну португальского посла в Варшаве г-на Сезара де Соузы Мендеша¹. Мы были почти ровесники — ему было двадцать пять лет — и добрые приятели. У него было пять сестер, все хорошенькие и обаятельные. С одной из них я довольно часто встречался и в тот вечер сгорал от нетерпения поскорей ее увидеть.

К тому времени я только недавно вернулся в Польшу. Закончив в 1935 году Львовский университет Яна Казимира и проведя год в конноартиллерийском училище, я уехал стажироваться сначала в Швейцарию, потом в Германию и, наконец, в Англию. Меня интересовали вопросы демографии. Три года я работал в крупнейших библиотеках Европы, готовил свою диссертацию, старался получше овладеть французским, немецким и английским и усвоить образ жизни в этих странах, пока смерть отца² не призвала меня в Варшаву. Мне по-прежнему больше всего нравилось изучать демографию, но постепенно стало ясно, что писать научные труды — не моя стезя. Я никак не мог закончить диссертацию, все тянул и отлынивал, а уже написанную часть работы у меня не принимали. Но это было единственное облачко на светлом, солнечном горизонте открывавшихся передо мной возможностей, и оно не слишком огорчало меня.

На вечеринке все чувствовали себя беззаботно и радостно. Просторный зал посольства был изящно, хотя, пожалуй, чересчур романтично украшен. Собралась приятная компания. Очень скоро завязались оживленные разговоры. Помнится, с большим жаром отстаивали достоинства Варшавского ботанического сада по сравнению с хваленными европейскими, обсуждали новую постановку “Мадам Сан-Жен”³, а когда кто-то заметил, что Стефан Лечевский и Марселла Галопен, которых я хорошо знал, выскользнули из зала вдвоем, стали отпускать банальные шуточки по этому поводу — все как обычно. О политике почти не говорили.

Мы пили хорошие вина, беспрестанно танцевали, в основном европейские танцы — вальсы и танго. А под конец Элен де Соуза Мендеш с братом исполнили для нас сложные фигуры португальского танго.

Вечеринка закончилась поздно ночью. Потом все еще долго прощались и даже на улице никак не расходились: болтали, договаривались о встречах на следующую неделю. Я вернулся домой уставший, но в голове роились радужные планы и не давали уснуть.

Разбудил меня громкий стук в дверь, причем мне показалось, что я проспал не больше минуты. Я вскочил с постели и побежал вниз по лестнице, ускоряя шаг и раздражаясь, оттого что стучали все сильнее. Наконец открываю дверь. На крыльце стоит хмурый, заждавшийся полицейский. Протягивает мне красную карточку, бормочет что-то невнятное и поспешно уходит.

Это был секретный приказ о мобилизации. В нем сообщалось, что я как подпоручик конной артиллерии должен в течение четырех часов покинуть Варшаву и явиться в расположение своего полка. В город Освенцим⁴ на польско-немецкой границе.

То, как и в какое время был мне вручен этот приказ, который опрокидывал все мои планы, мгновенно настроило меня на самый серьезный и даже мрачный лад.

Я отправился к брату с невесткой и поднял на ноги обоих. Однако они приняли известие совершенно спокойно, и вскоре мне самому показалось смешным, что я так запаниковал.

Пока я собирался и одевался, мы обсудили ситуацию и пришли к выводу, что объявлена частичная, весьма ограниченная мобилизация, которая касается небольшого числа офицеров запаса и затеяна лишь для того, чтобы они не теряли боеготовности. Мне посоветовали отправляться налегке, невестка даже отговорила меня брать с собой теплые вещи.

— Не в Сибирь же едешь, — сказала она, глядя на меня как на пылкого школьника. — Через месяц вернешься домой.

Я успокоился. Возможно, все не так плохо и даже предстоит что-то интересное. Я припомнил, что Освенцим находится в красивых местах, среди равнин. И представил себе, как несусь по ним в офицерской форме на прекрасном армейском скакуне — верховую езду я любил страстно. Я надел свои лучшие сапоги. Как будто готовился к военному параду. Заканчивал сборы уже в отличном расположении духа. И даже в шутку посочувствовал брату: дескать, на этот раз “стариков” в армию не зовут. Он ответил парой крепких словечек и пригрозил всыпать мне как следует, если я не уймусь. А невестка велела нам перестать ребячиться. Наконец спешные приготовления завершились.

На вокзале было столько народу, будто там столпились все мужчины Варшавы. “Секретной” эту мобилизацию, подумал я, можно назвать только в том смысле, что нет никаких объявлений — ни на стенах, ни в газетах. Но призваны были сотни тысяч человек.

Вспомнились ходившие пару дней назад слухи о том, что правительство давно собиралось объявить всеобщую мобилизацию перед лицом немецкой угрозы, но его удерживали английские и французские дипломаты. Зачем “провоцировать Гитлера”? В то время Европа еще верила в возможность мирных переговоров. И лишь ввиду практически открытых военных приготовлений Германии Польше наконец разрешили провести “тайный” призыв⁵.

Обо всем этом я узнал намного позже. А тогда хоть и вспомнил о слухах, но встревожился так же мало, как и услышав их впервые. Перед вагонами толпились тысячи мобилизован-

ных в штатском, их было легко распознать по походному чемоданчику. В этой толпе выделялись офицеры запаса в щегольской форме, они издали подавали друг другу знаки, перекликались, обменивались приветствиями. Но мне, как я ни искал, не попалось ни одного знакомого лица. Я стал протискиваться к поезду, что оказалось очень и очень нелегко. Вагоны были переполнены, все места заняты. Народ набился в коридоры и даже в туалеты. Настроение у всех было приподнятое, бодрое, почти веселое.

В дороге я постепенно начал понимать, насколько серьезно обстоит дело. Правда, мне все равно не приходило в голову, что вот-вот начнется война, но уже было ясно: о приятной прогулке можно забыть, происходит самая настоящая всеобщая мобилизация. На каждой станции к составу подцепляли новые вагоны для новобранцев, теперь уже в основном крестьян. Вид у всех был бравый и уверенный, не считая, разумеется, женщин — жен, матерей, сестер, наводнявших платформы; настоящие Ниобеи, они рыдали, заламывали руки, цеплялись за своих мужчин и не хотели отпускать. Молодые парни, стесняясь, вырывались из материнских объятий. Помню, на одном полустанке мальчишка лет двадцати кричал: “Хватит, мама, отпусти, скоро приедешь ко мне в Берлин!”

Дорога в Освенцим заняла вдвое больше времени, чем положено, поскольку поезд все время останавливался, к нему прицепляли дополнительные вагоны и сажали новых солдат. До казармы мы добрались только к ночи, и задора в нас поубавилось, сказывались жара и усталость — шутка ли, столько часов проехать стоя! Однако после довольно плотного ужина — за время пути все изрядно проголодались — силы вернулись, и я решил пройтись по территории, где мы были расквартированы, вместе с другими офицерами, с которыми познакомился в столовой. Нашел кое-кого из нашего дивизиона, но не всех. Две батареи конной артиллерии уже отправились на фронт. В казарме оставались только третья и четвертая.

Трудно сказать почему, но, собираясь по вечерам в офицерском клубе, мы по молчаливому согласию старались не говорить

и не спорить о главном. Если же все-таки заходила речь о нынешнем положении и о том, что ждет нас впереди, все высказывались примерно одинаково, укрепляя общий оптимизм, который прекрасно отгонял сомнения и страхи и заглушал попытки трезво оценить изменения в европейской политике. Да и менялась она так стремительно, что даже при всем желании разобраться в этом клубке было бы нелегко. Что до меня, то я просто запрещал себе делать мыслительные усилия, которые могли бы открыть чудовищный смысл происходящего. Это подорвало бы все мои тогдашние представления о жизни.

Кроме того, я хорошо помнил, что говорил мне брат⁶ в первые часы после мобилизации, — ведь он был старше меня почти на двадцать лет, занимал важный пост в правительстве и всегда, сколько я помню, принадлежал к “хорошо информированным кругам”.

Другие опирались на мнения друзей, знакомых и собственные соображения. Из всего этого мы заключали, что наша мобилизация — тонкий ход в войне нервов с немцами. Германия слаба, Гитлер просто блефует. Когда он увидит, что Польша “сильна, едина и готова дать отпор”, то отступит, и мы вернемся по домам. Если же нет, то Польша, с помощью Англии и Франции, как следует проучит этого сумасшедшего паяца.

А наш майор однажды вечером и вовсе заявил:

— На этот раз нам не надо никакой Англии и Франции. Мы и сами прекрасно справимся.

В ответ один из офицеров ледяным тоном заметил:

— Конечно, пан майор, сил у нас хватает, но... хорошая компания никогда не помешает.

На рассвете 1 сентября, около пяти утра, когда солдаты нашего конноартиллерийского дивизиона мирно спали, самолеты люфтваффе незамеченными долетели до Освенцима и, пролетая над нашими казармами, забросали всю округу зажигательными бомбами. Одновременно сотни мощных новейших немецких танков пересекли границу, и под их огнем все окончательно превратилось в руины и пепелища.

Трудно представить себе, сколько разрушений причинила эта атака всего за три часа, сколько погибло людей, какой воцарился хаос. Опомнившись и оценив положение, мы увидели, что не способны оказать существенного сопротивления. Хотя несколькими батареям удалось каким-то чудом довольно долго продержаться на своих позициях и даже обстрелять немецкие танки. К полудню две наши батареи были уничтожены. Казармы разрушены до основания, железнодорожный вокзал сметен с лица земли.

Поскольку стало ясно, что сдержать немецкое наступление не удастся, был дан приказ отступить; наша резервная батарея покинула Освенцим и двинулась боевым маршем по направлению к Кракову, захватив с собой пушки, снаряды и провиант. Каково же было наше изумление, когда по пути к вокзалу прямо на городских улицах нас стали обстреливать из окон. Это были польские граждане немецкого происхождения, пятая колонна нацистов. Таким образом они заранее проявляли лояльность к оккупантам. Многие из нас готовы были немедленно ответить и открыть стрельбу по подозрительным домам, но старшие офицеры запретили. Такие действия внесли бы беспорядок в наши ряды, а именно этого и добивалась пятая колонна. Не говоря о том, что в этих же домах могли жить и честные поляки-патриоты⁷.

На вокзале нам пришлось ждать, пока починят пути. Мы сидели на земле под палящим солнцем, и все время, пока не подали состав, перед глазами у нас проносились недавние картины: горящие строения, обезумевшие жители, предательские окна в Освенциме. В тягостном молчании разместились мы по вагонам, и поезд двинулся на восток, в сторону Кракова.

Ночью он много раз останавливался и подолгу стоял. Иногда на таких стоянках мы дремали, а иногда просыпались и обсуждали случившееся; все, как один, рвались в бой. На рассвете появилось полтора десятка “хейнкелей”, целый час они бомбили и обстреливали из пулеметов наш поезд и разнесли в щепки больше половины вагонов. Почти все

там были убиты или ранены. Мой вагон уцелел. Оставшиеся в живых покинули разбитый поезд и пешком, без всякого строя, продолжали путь на восток.

Шла не армия, не батарея, не взвод — просто много отдельных людей шагали скопом, неведомо куда и зачем. Дороги были забиты беженцами и отбившимися от своих частей солдатами, точно катила огромная приливная волна, увлекая за собой всех встречных. Целых две недели эта лавина медленно двигалась на восток. Сам я держался группы, которая еще сохраняла какое-то подобие воинского подразделения. Мы надеялись дойти до новой линии обороны, остановиться там и вступить наконец в сражение. Но каждый раз, когда, казалось, такая возможность была близка, наш капитан получал приказ продолжать отступление и, пожав плечами, понуро указывал нам путь дальше на восток.

Плохие новости настигали нас, как хищные птицы, и рвали в клочья последние надежды: немцы заняли Познань, потом Лодзь, Кельце, Краков, наши самолеты и зенитки уничтожены. Дымящиеся руины городов, деревень и железнодорожных станций подтверждали эти горькие известия⁸.

Через две недели, изнуренные, обессиленные, ошалевшие и растерянные, мы подошли к Тарнополю⁹. Это было 17 сентября, я не забуду этот день до самой смерти. Дорога раскалилась на солнце, а наши ноги и обувь после четырех дней безостановочной ходьбы были в таком плачевном состоянии, что мы уже не могли шагать по пересохшей земле. Большинство предпочло идти по обочине, пусть даже получалось медленнее.

Так мы брели, без особой спешки, поскольку утратили всякое представление о цели, как вдруг толпа вокруг загудела и от одной группы к другой забегали люди — это означало, что появились важные новости или волнующие слухи. Меня окружало восемь офицеров медслужбы — незадолго до того я остановил одного из них и попросил перевязать мне пятку да так с ними и пошел дальше. И все мы сразу поняли: что-то случилось.